

Игорь ЮШКОВ
Александр ПЕРОВ

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» В МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Дата поступления в редакцию: 25.03.2021.

Для цитирования: Юшков И. В., Перов А. В., 2021. «Новая нормальность» в мировой энергетике: вызовы для России. – Геоэкономика энергетике. № 3 (15). С. 31–50. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_31

Мировой энергетический сектор вошёл в состояние «новой нормальности». Этот термин в настоящее время применяется для описания положения дел, к которому пришло общество в связи с коронавирусом. Сейчас он стал широко употребляться и у нас в стране. Обычно под этим термином понимаются изменения, происходящие под влиянием кризиса в обществе и в экономической сфере, он обозначает что-то, что раньше выходило за рамки нормы, но в данный момент стало обычным явлением. Однако ситуация с «новой нормальностью» складывается гораздо сложнее. Для нашей страны наиболее важной характеристикой «новой нормальности» следует назвать то, что пандемия *COVID-19* послужила предлогом для продвижения ценностей устойчивого развития, новой экономики и энергетического перехода.

Особенно заметно данные тенденции проявляют себя в Европейском союзе. Здесь масштабную задачу преодоления негативных последствий пандемии коронавируса стремятся перевести в драйвер кардинальной зелёной трансформации европейской экономики и энергетике. В частности, это проявляет себя в намерении руководства Евросоюза ввести в ближайшие годы механизм углеродной корректировки границ.

В свою очередь, происходящее в условиях перехода к «новой нормальности» кардинальное повышение глобальной роли низкоуглеродной повестки

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: ushkovigor@gmail.com. SPIN-код: 5693-0136.

ПЕРОВ Александр Валентинович, кандидат политических наук, руководитель спецпроектов Фонда национальной энергетической безопасности. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 107996, ул. Садовая-Черногрозская, д. 8, стр. 1. E-mail: ar.nikonov@gmail.com.

Ключевые слова: «новая нормальность», новая экономика, энергетический переход, глобальный энергетический сектор, энергетика России.

вызывает всё более сильное давление на потребителей и производителей ископаемых энергоресурсов. Очевидно, что всё это приводит к появлению принципиально новых угроз и вызовов для России, особенно учитывая ту важнейшую роль, которую энергетика играет для нашей страны. Россия является одним из крупнейших в мире потребителей, производителей и экспортёров энергетических ресурсов. Кроме того, российский экспорт уже в силу своей структуры отличается повышенной углеродоёмкостью. Поэтому глобальные тенденции в сфере производства и потребления энергетических ресурсов имеют для нашей страны особое значение. Они оказывают влияние не только на её социально-экономическое положение, но и на внешнеполитические позиции. От того, насколько эффективно Россия сумеет приспособиться к условиям «новой нормальности», будет зависеть будущее российского энергетического комплекса и, соответственно, перспективы развития всей страны в целом. В подобных условиях от России требуется скорейшая выработка системной и долгосрочной энергетической политики, которая позволила бы минимизировать или даже обращать в свою пользу те вызовы, которые предъявляет новая глобальная энергетическая реальность.

Введение

Россия входит в число крупнейших в мире потребителей, производителей и экспортёров энергоресурсов. Поэтому глобальные тенденции, которые затрагивают энергетический сектор, имеют для нашей страны особое значение. Они оказывают влияние не только на социально-экономическое положение, но и на позиции страны как глобального политического актора. Следует признать, что Россия в этом отношении пока находится в уязвимом положении, находясь в сильной зависимости от рыночных колебаний мировых цен и спроса на углеводороды, изменений в нормативно-правовом регулировании энергетического сектора в странах – импортёрах российских энергоресурсов, внешнеполитического давления на отечественный энергетический сектор.

В данной связи особую актуальность для нашей страны имеет то, что мировая экономика, а вместе с ней и мировая энергетика в настоящее время вошли в ситуацию «новой нормальности». Важным её компонентом выступают планы по глобальному переустройству энергетического сектора. Поводом для этого послужила пандемия *COVID-19*, которая стала использоваться в качестве удобного предлога для продвижения идей зелёной экономики, устойчивого развития, низкоуглеродного энергетического перехода и т. д. Несмотря на то что данные идеи не являются чем-то абсолютно новым, важной характеристикой современного этапа является то, что сейчас их сторонники настроены гораздо более решительно, нежели ранее, в части практической реализации своих планов. Примерами могут служить громкие заявления международных экспертов о сложившейся на планете климатической чрезвычайной ситуации, реализация Евросоюзом законодательного пакета «Зелёный пакт для Европы»,

предусматривающего в том числе введение углеродной корректировки границ, готовящаяся администрацией Джо Байдена реформа в энергетическом секторе и т. д. В результате на посткоронавирусной волне новая энергетическая «нормальность» приготовилась победным шагом пройти по планете, всё сильнее меняя политический и экономический ландшафт современного мира.

«Новая нормальность» как формирующаяся реальность современного мира

Изначально понятием «новая нормальность» (*The New Normal*) обозначали состояние, в котором оказывалось общество после глубокого кризиса. Оно существенно отличалось от того, которое существовало до начала кризисного перелома. Будучи непривычным и закладывающим принципиально новые тренды в развитии общества и экономики, такое положение дел получило обозначение «новая нормальность». С помощью этого выражения подчёркивались кардинальные отличия нового нормального состояния от того, что считалось нормальным прежде.

В таком значении это понятие использовалось в отношении краха на фондовом рынке пузыря доткомов в конце 1990-х годов, террористических актов 11 сентября 2001 г. и других, подобных кризисных событий. Однако впервые широкую известность термин «новая нормальность» получил для обозначения ситуации, в которой оказалась мировая экономика в связи с финансовым кризисом 2007–2008 гг. и последовавшей за ним глобальной рецессией 2008–2012 гг. Ряд экспертов, к примеру один из руководителей международной инвестиционной компании *PIMCO* Мохаммед Эль-Эриан, давая оценку последствиям кризиса и прогнозам по поводу выхода из него, стали предупреждать о том, что экономические показатели уже не вернуться к своим прежним значениям. Что касается сигналов, свидетельствующих о её восстановлении, то они носят в значительной степени обманчивый характер [*El-Erian*, 2010].

Причины такого нелицеприятного реального положения дел, согласно воззрениям сторонников концепции «новой нормальности», заключались в неординарности самой сути произошедшего кризиса. Он не носил обычный циклический характер с неизбежным последующим посткризисным ростом с возвращением к «нормальному» докризисному состоянию. Это невозможно, поскольку кризисные явления имели более глубокие, чем было принято считать, причины и следствия. Кризис оказался обусловлен постепенно накапливающимися дисбалансами в экономическом развитии, результатом чего стала активизация масштабных структурных сдвигов в экономике и в социальной сфере. Все эти процессы и сформировали то состояние, которое решено было обозначить наименованием «новая

нормальность». Особо при этом указывалось, что такое явление пока остаётся не до конца осознанным современным обществом, а также является недостаточно изученным в исследовательском плане.

Очень часто определение «новая нормальность» использовалось также для обозначения внешних факторов, создающих серьёзные препятствия для экономического развития. Для России, к примеру, сюда относится снижение темпов развития мировой экономики, падение цен на нефть, международные санкции и т. д.

В то же время, как подчёркивают некоторые исследователи, подобная трактовка термина «новая нормальность» в какой-то степени не вполне корректна. Она имеет целью сместить акцент с реальных внутренних на внешние источники существующих проблем, которые зачастую оказывают лишь косвенное негативное воздействие на экономику и финансы той или иной страны. Отмечается по данному поводу, что для нашей страны львиная доля существующих проблем вызвана внутренними факторами. В частности, замедление, а затем и спад темпов экономического роста в России начались во второй половине 2012 г., когда вышеперечисленные внешние факторы вообще не существовали [Тетерятников, 2017]. Внешние обстоятельства в реальности не привели к качественным изменениям в экономике. Они фактически лишь обострили уже существовавшие внутренние проблемы и сделали их более явными. Так, падение цен на нефть в 2008 г., приведшее к резкому экономическому спаду в России, лишней раз продемонстрировало чрезмерно высокий уровень зависимости отечественной экономики от экспорта углеводородов.

Термин «новая нормальность» может использоваться не только в финансовом и экономическом значении, но и в других контекстах, в частности в социально-психологическом, обозначая что-то, что раньше выходило за рамки нормы, но теперь стало обычным явлением. В такой трактовке широко заговорили о переходе к «новой нормальности» с 2020 г., оценивая не только экономические, но и социальные, а также политические последствия пандемии *COVID-19*. Так, утверждалось, что эффект её воздействия на мировую экономику и социальную сферу будет сравним с эффектом от Второй мировой войны [Громов, 2020]. Причина этого заключается, помимо прочего, в том, что коронакризис кардинально трансформировал привычные ценности и поведенческие установки в обществе. Поэтому, к примеру, авторы доклада Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) предрекли, что в результате пандемии произойдёт кризис демократии и верховенства права в Европе [Новая нормальность, 2021]. Особый интерес также вызывали технологические новшества, толчок развитию которых должен дать коронавирус. В данной связи обращалось внимание, что предыдущие кризисы также ускорили внедрение технологий. Соответственно не должен стать исключением и нынешний. Считается, что он бу-

дет способствовать развитию «Интернета вещей», сетей 5G, искусственного интеллекта, телемедицины и пр. [*Elnaj*, 2021].

С тем, что пандемия *COVID-19* может привести к существенным изменениям, в том числе в социальной сфере, согласились и участники экспертного опроса, проведённого в 2020 г. Мировым энергетическим советом. В то же время ими ожидалось, что общество выйдет из кризиса более устойчивым, с более сильным чувством общности и более высокой готовностью к следующему кризису. Что касается непосредственно энергетического сектора, то основные последствия для него несёт спад экономики, который должен привести к падению спроса на энергию, банкротствам компаний и т. д. Поэтому, по мнению большинства респондентов, для адаптации энергетических систем к новым условиям необходимо делать упор на развитие новых стратегических буферов, в том числе увеличивать инвестиции в разнообразные комбинированные и гибкие системы хранения, а также уделять большее внимание вопросам кибербезопасности и эффективности [*Экспертные мнения...*, 2020].

Обозначение «новая нормальность» для описания положения дел, в которое пришло общество в связи с коронавирусом, стало широко употребляться и у нас в стране. К примеру, глава Роспотребнадзора Анна Попова в апреле 2021 г. в эфире телеканала «Россия 1» сообщила, что «нам надо готовиться, и это совершенно очевидно уже, что у нас теперь наступает „новая нормальность“. Мы должны будем поменять свои привычки»¹. В свою очередь, главный научный сотрудник центра социологии культуры и информационной политики Института фундаментальных и прикладных исследований (ИФПИ) Олег Карпунин следующим образом обрисовал то, что нас будет ждать после пандемии: «Образ жизни человека будет меняться в сторону усиления коммуникационных связей. Человек освободится от некой рутины, в связи с чем будет больше возможностей открыть и развивать свои скрытые способности».

Между тем, рассматривая те многочисленные оценки «новой нормальности», которые активно муссировались в информационном поле в 2020–2021 гг., следует зафиксировать следующий важный тезис. Дело в том, что подобного рода экспертные и исследовательские материалы в значительной мере представляют собой не инструмент изучения «новой нормальности», а одно из средств её формирования. Такие работы, опирающиеся на авторитет проведённых исследований и мнения солидных экспертов, призваны убедить общество в приходе некоего качественно нового состояния. При этом констатируется, что это новое состояние характеризуется в том числе и новыми правилами игры, которых теперь необходимо обязательно придерживаться.

---

¹ Попова предупредила о «новой нормальности» после пандемии // <https://clck.ru/UpZoi>, дата обращения 02.04.2021.

«Новая нормальность» и новая экономика

Важным свойством феномена «новой нормальности» выступает её частая очевидная взаимосвязь с феноменом т. н. новой экономики [Тетерятников, 2017]. Это довольно неопределённое, но тем не менее всё чаще употребляемое понятие, не имеющее строгой научной трактовки. В частности, как указывает С. С. Кудрявцева, в широком смысле под эти термином обычно подразумевается производство товаров и услуг с использованием новейших или высоких технологий. В узком смысле новая экономика — это производство товаров и услуг с применением информационных технологий [Кудрявцева, 2004]. Соответственно под строительством новой экономики понимается движение в сторону постиндустриального общества с выходом процесса экономического развития на инновационный сценарий. В данной связи И. Б. Полюбина выделяет следующие черты отраслей, которые относятся к новой экономике:

а) главным ресурсом становится интеллектуальный капитал (по сравнению с материальными элементами);

б) уникальность нематериальных активов;

в) очень большая инновационная составляющая, а также высокий темп обновления производственных технологий, продуктов, услуг. Фактически обновление происходит непрерывно [Полюбина, 2009].

Обращает внимание то, что состояние «новой реальности (нормальности)» зачастую трактуется как важная черта новой экономики. Более того, эти два понятия порой начинают употребляться фактически как синонимы или по крайней мере в качестве близких терминов. К примеру, такой подход используется в вышедшем в 2020 г. исследовании НАФИ «Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии». Один из ключевых его выводов гласит, что самое очевидное изменение, характеризующее ситуацию «новой нормальности», заключается в том, что общество возвращается к более бедному образу жизни, начинает формироваться новая экономика — более цифровая, более устойчивая и более экономная. Как отмечают эксперты НАФИ, «новая экономика начинает формировать и новое общество — поляризованное по критерию адаптивности к изменениям, с переосмысленными ценностями жизни. Общество, разделённое на тех, кто не вернётся к прежней жизни, увидев новые возможности, и тех, кто уже через несколько месяцев продолжит жизнь старую, с прежними принципами и установками» [Новая нормальность, 2020].

Ещё одной характеристикой модели новой экономики выступает то, что она во многих своих трактовках оказывается напрямую тесно связанной с критериями т. н. устойчивого развития (*sustainable development*). Напомним, что концепция устойчивого развития подразумевает интеграцию проблематики, относящейся к вопросам сохранения окружающей среды,

в понятие «развитие». Согласно первоначальному определению, которое дала в 1987 г. в своём докладе «Наше общее будущее» на Генеральной ассамблее ООН Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию (WCED), устойчивое развитие – это развитие, при котором удовлетворяются потребности нынешнего поколения, но не ставится под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Согласно выработанным комиссией подходам, экономический рост всегда влечёт за собой риск экологического ущерба, поскольку он оказывает давление на ресурсы окружающей среды. Поэтому понятие «устойчивое развитие» должно предусматривать рамки для интеграции политики в области окружающей среды и стратегии в области развития, причём в данном контексте термин «развитие» применяется в самом широком смысле. Само же осуществление устойчивого развития требует изменений во внутренней и международной политике каждой страны – как богатым, так и бедным [Наше общее будущее, 1987].

В последующем модель устойчивого развития вышла за рамки представлений о прекращении нерационального роста использования ресурсов окружающей среды. Она расширилась до констатации необходимости гармоничного и сбалансированного развития экономических, социальных и экологических процессов. В конце 2015 г. ООН сформулировала набор целей устойчивого развития, которых нужно было достичь в период с 2015 по 2030 г. Они были представлены в документе, озаглавленном «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», где содержалось 17 глобальных целей (направлений), а также 169 соответствующих задач [Цели в области устойчивого развития].

Следует отметить, что характеристики концепции новой экономики, где фокусируется внимание не на использовании материальных и природных ресурсов, а на информации и знаниях, оказались вполне соответствующими идеям устойчивого развития. Подчёркивается, в частности, что новая экономика должна делать акцент на качественном, а не количественном развитии и без учёта социальных и экологических факторов невозможно добиться устойчивого развития экономики на длительную перспективу. В данной связи Россию призывают принять собственную стратегию устойчивого развития с соответствующей системой целей, в которой важное место должна занять новая модель экономического устройства [Бобылев, Соловьёва, 2016].

Таким образом, в современном глобальном экономическом и социально-политическом дискурсе прослеживается тесная взаимосвязь понятий «новая нормальность», «новая экономика» и «устойчивое развитие». Одним из дополнительных примеров может стать позиция Всемирного экономического форума (ВЭФ) в отношении постковидной глобальной повестки. В его материалах призывается преодолеть неприятные реалии «новой нор-

мальности», создав т. н. новую парадигму. Важный акцент при этом предлагается сделать на создании таких экономических условий, которые бы способствовали решению проблем гендерного и расового неравенства, борьбе с голодом и нищетой, облегчению положения мигрантов, улучшению доступности системы здравоохранения в бедных странах и т. д. Указывается, что для таких сообществ с их проблемами, которые игнорировались обществом ещё задолго до распространения *COVID-19*, положение дел никогда не было нормальным [Asonye, 2020].

Глобальная энергетика в условиях «новой нормальности»

Необходимость преодоления негативных последствий пандемии дала повод для того, чтобы придать дополнительный импульс для продвижения климатической и экологической повестки в энергетике. Прежде всего здесь следует выделить концепцию т. н. энергетического перехода — постепенного отказа от использования ископаемого топлива в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и активизации усилий по снижению углеродного следа с целью сохранения окружающей среды и минимизации антропогенного влияния на климат планеты.

Факторы, связанные с энергетическим переходом, начинают играть всё более важную роль в глобальной конкуренции в мировой энергетике. Происходит кардинальное перекраивание правил игры под низкоуглеродный сценарий развития. Так, зелёный тренд уже оказывает всё более усиливающееся влияние на текущую деятельность и долгосрочные планы западных энергетических компаний. Они вынуждены сокращать долю ископаемого топлива в своём бизнесе и усиливать фокус на развитии ВИЭ. По словам экспертов, причины такой трансформации состоят в следующем:

- опасения того, что невысокие цены на углеводороды будут сохраняться долгое время, при этом глобальный спрос на нефть в скором будущем начнёт снижаться;
- многомиллиардные суммы, которые Европа, а в ближайшем будущем — и США намерены тратить на стимулирование чистой энергии;
- возобновляемая энергетика и без стимулов становится всё более выгодной;
- растёт давление не только общества, но и инвесторов. Ископаемое топливо уже называют *stranded assets* — активами с сомнительной стоимостью, которые могут преждевременно обесцениться, то есть работать с ним становится всё более рискованно [Оверченко, 2020].

Финансовую, нормативно-правовую и политическую поддержку ВИЭ, а также всё более усиливающееся давление на сектор традиционной энергетики следует назвать наиболее значимыми драйверами энергетического перехода. К примеру, неприятным событием для компаний нефтегазового комплек-

са стал вынесенный в мае 2021 г. вердикт голландского суда о принуждении *Royal Dutch Shell* к более глубокому и быстрому сокращению парниковых выбросов, которое должно составить 45 % к 2030 г. По мнению экспертов, такое решение может создать прецедент, особенно в европейских странах, запустив вал аналогичных климатических судебных процессов [*Hals, Nasralla, 2021*].

В качестве объяснения текущей активизации тренда на энергетический переход в глобальной экономике часто указывается, что за этим якобы кроются вполне объективные причины. Отмечается, в частности, что «пандемия обострила накопившиеся противоречия в мировой экономической и энергетической системе, а также повлияла на потребительские предпочтения населения в энергетической сфере, став триггером ускорения перехода к низкоуглеродной энергетике будущего» [*Громов, 2020*]. Однако очевидно, что вопросы климата являются также удобным поводом для реализации затратных для налогоплательщиков мер в области энергосбережения, повышения энергоэффективности и развития ВИЭ. В частности, как отмечает Деденкулов, в случае с Евросоюзом это позволяет снижать импортозависимость за счёт сокращения энергопотребления, с одной стороны, и развития внутренних источников энергии – с другой. Сам же климатический трек характеризуется значительной идеологической заряженностью (забота о будущих поколениях), однако на практике с самого начала используется Еврокомиссией в качестве драйвера для продвижения энергетической политики ЕС, гарантируя широкую общественную поддержку многим неоднозначным мерам [*Деденкулов, 2015*].

Кроме того, в современных условиях климатическая проблематика становится мощным средством продвижения экономических и политических интересов тех или иных заинтересованных сторон. Показательным здесь является проведённая в мае 2021 года атака Минэнерго США на «Северный поток – 2» с обвинением российского газа в низкой экологичности. Глава министерства Дженнифер Грэнхолм отметила, что, помимо геополитических вопросов, связанных с Россией, одна из причин, почему этот газопровод является опасным, заключается в том, что «по нему транспортируется самая грязная форма природного газа на Земле»². Сразу после этого претензии к проекту высказали уже немецкие экологи из организации *Deutsche Umwelthilfe (DUH)*. По их словам, не было оценено влияние трубопровода на климатические цели. Поэтому они обратились к регулятору ФРГ с призывом отозвать разрешение на строительство и эксплуатацию «Северного потока – 2»³.

² Глава Минэнерго США усомнилась в экологичности российского газа // <https://clck.ru/V8Ld6>, дата обращения 28.05.2021.

³ Экологи в ФРГ попросили отозвать разрешение по «Северному потоку – 2» // <https://clck.ru/VFGS2>, дата обращения 02.06.2021.

Вместе с тем нельзя не признать, что решение вопросов экологии и климата очень часто действительно выступает важной самостоятельной целью, способной отодвинуть на второй план экономические или политические соображения и интересы. Так, мощной группой влияния в деле продвижения климатической повестки, по крайней мере в странах Запада, стало гражданское общество. Рост популярности в общественном мнении идей борьбы за климат и формирование образа врага из традиционной энергетики, в свою очередь, стимулируют национальные правительства вести более активную политику в области энергетического перехода.

Однако курс на зелёную энергетику приводит к росту стоимости энергии. Поэтому, как указывают некоторые эксперты, сейчас, к примеру, европейская энергетическая политика вынуждена балансировать между позицией радикальных борцов против глобального потепления, вдохновляемых Гретой Тунберг, и растущим недовольством населения высокими ценами на топливо и электроэнергию [Бочкарев, 2020]. С другой стороны, высокий общественно-политический накал вокруг вопросов климата приводит к появлению чрезмерно авантюрных планов по переводу экономики на низкоуглеродный вектор развития с сомнительными перспективами их реализации из-за объективных технологических и финансовых барьеров. Подобного рода противоречивость выступает неотъемлемым свойством состояния «новой нормальности», что следует учитывать, давая оценку развитию глобальной энергетики. В том числе это важно с точки зрения формирования Россией своей энергетической политики.

В практическом плане активизацию климатической повестки в энергетической политике под влиянием *COVID-19* особенно заметно продемонстрировала Европа. Так, в апреле 2020 г. Франция перед встречей министров энергетики ЕС выпустила заявление, в котором говорилось о необходимости на фоне коронакризиса инициировать поддержку высоких цен на ископаемое топливо с целью добиться снижения спроса на него и тем самым добиться достижения целей Парижского соглашения по климату. Такой механизм, по замыслу французских властей, было возможно запустить путём установления минимальной цены на выбросы углерода либо через систему торговли выбросами ЕС, либо через директиву о налогообложении энергии (*Energy Taxation Directive*) [Simon, 2020].

В целом же пандемия *COVID-19* послужила для европейских политиков хорошим поводом для того, чтобы проталкивать идеи и предложения о необходимости укрепления коллективных действий в Европе. Мобилизация с целью преодоления последствий коронавируса стала позиционироваться в качестве начала важнейшего этапа европейской истории, который должен ознаменоваться в том числе качественной зелёной трансформацией экономики Европы с соответствующими изменениями в энергетической

политике Евросоюза. Подобный идеологический базис позволил укрепить позиции европейских сторонников скорейшего перехода на низкоуглеродный путь развития. В мае 2020 года Еврокомиссия подготовила План восстановления для Европы (*Recovery plan for Europe*) [*Recovery plan for Europe*], который был принят в июле 2020 г. вместе с семилетним бюджетом ЕС. Планом предусматривается реализация пакета финансовых мер по поддержке экономики, который сразу же был объявлен самым экологичным в мире [Krukowska, Shankleman, 2020]. Его антикризисная программа оказалась напрямую увязана с принятым Еврокомиссией в декабре 2019 г. Зелёным пактом для Европы (*European Green Deal*) [*A European Green Deal*]. Он предусматривает достижение к 2050 г. нулевого уровня парниковых выбросов для борьбы с глобальным изменением климата и загрязнением окружающей среды.

Правда, в связи с зелёными планами Евросоюза можно было услышать и мнение о том, что нанесённый пандемией удар по экономике ЕС не позволит обеспечить необходимый уровень инвестиций, которого требует, например, реализация европейского Зелёного пакта [Громов, 2020]. Тем не менее это не помешало вопросам климата и экологии трансформироваться в ключевой драйвер посткоронавирусного восстановления экономики Европы. Как отметил в данной связи председатель Европейского совета Шарль Мишель, впервые в истории Евросоюза многолетний бюджет сообщества привязан к климатическим задачам [Дубровин, 2020]. Для этого, в частности, получают приоритет при предоставлении финансовой поддержки т. н. позитивные климатические проекты. На них должно выделяться не менее 30 % от всех предоставленных каждой из стран Евросоюза субсидий и кредитов из предусмотренного Планом восстановления специального внебюджетного фонда объёмом 750 млрд евро.

Колоссальные затраты, которые решено было выделить на стимулирование позитивных климатических проектов, естественно, привели к вопросам по поводу того, где взять необходимые на это суммы. На этом фоне усилилось стремление Евросоюза под предлогом защиты климата создать нерыночными методами конкурентные преимущества для своих производителей. Одним из важнейших направлений развития регуляторной деятельности ЕС в настоящее время является разработка механизмов т. н. трансграничного углеродного регулирования (*Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM)*). К примеру, они могут быть введены в форме установления для импорта в Европу пограничного сбора на выбросы углерода. Причём такая возможность напрямую предусматривается Зелёным пактом ЕС. В соответствующем сопроводительном документе указывается, что усилия Евросоюза по достижению глобальных климатических целей Парижского соглашения могут подорвать риски т. н. «утечки углерода» (*carbon leakage*). Они заключаются в возможности переноса производства из ЕС в страны

с более низкими амбициями в области климата или замещения европейской продукции более углеродоёмким импортом. Если такой риск материализуется, то сокращения глобальных выбросов не произойдёт и это подорвёт усилия ЕС и его отраслей по достижению климатических целей Парижского соглашения [*A European Green Deal*].

К настоящему времени *СВАМ* выступает краеугольным камнем промышленной стратегии ЕС и основным направлением усилий его зелёной дипломатии. Дело в том, что в Евросоюзе всё больше опасаются, что без таких мер европейская экономика окажется неконкурентоспособной из-за растущих внутренних цен на выбросы углерода на фоне слабой климатической политики у его зарубежных торговых партнёров. Для минимизации подобных рисков Еврокомиссия и предлагает рассмотреть возможность введения механизма углеродной корректировки границ для отдельных секторов с целью минимизировать возможности «утечки углерода» в том случае, если различия в уровнях амбициозности в национальных климатических политиках в мире продолжают сохраняться. Такое регулирование, как ожидается, послужило бы корректирующим механизмом, гарантирующим отражение уровня содержания углерода в стоимости импорта, и при этом соответствовало бы нормам ВТО [*The European Green Deal*, 2019].

Торговые партнёры Евросоюза, как и следовало ожидать, весьма настороженно отнеслись к европейским планам введения пограничного углеродного регулирования. К примеру, своё недовольство планами Евросоюза высказывали в США. В частности, Уилбур Росс, занимавший при администрации Дональда Трампа пост министра торговли, предупреждал, что американское руководство будет внимательно следить за действиями Комиссии ЕС. По его словам, в том случае если механизм взимания пограничного сбора за углерод будет носить протекционистский характер, США будут вынуждены отреагировать на него ответными тарифными действиями [*Tett*, 2020].

Вместе с тем победа в ноябре 2020 года на президентских выборах Джо Байдена с его амбициозной климатической программой действий значительно уменьшила риски развязывания американско-европейской торговой войны по причине введения Евросоюзом углеродных пограничных сборов. Приход к власти в Вашингтоне новой администрации значительно повысил шансы на то, что Евросоюз и США сумеют прийти по вопросу борьбы за климат к компромиссу и избежать здесь серьёзных противоречий. Так, одним из первых шагов нового президента США стало подписание в январе 2021 года трёх указов о деятельности по борьбе с изменением климата. Ими предполагается, что администрация США сделает вопросы защиты окружающей среды и предотвращения климатических изменений неотъемлемой частью американской внешней политики. Кроме того, согласно т. н. плану Байдена, который тот озвучил ещё в ходе своей президентской кампании, США должны стать мировой сверхдержавой в области экологически чи-

стой энергии и достичь нулевых парниковых выбросов в масштабах всей экономики не позднее 2050 года⁴. Климатическая направленность в экономическом развитии страны, согласно позиции нынешней американской администрации, даст возможность оживить энергетический сектор США и ускорить рост экономики в целом. Он обещал, что американские экологически чистые технологии будут экспортироваться по всему миру и создавать высококачественные рабочие места для среднего класса внутри страны.

Планы Евросоюза по декарбонизации, в свою очередь, имеют особую актуальность для России, привнося существенные риски для развития российской экономики. Для нашей страны ЕС выступает главнейшим торговым партнёром. Так, по состоянию на 2019 год на Евросоюз приходилось почти 42 % российского внешнеторгового оборота [О состоянии внешней торговли в 2019 г.]. При этом, согласно расчётам консалтинговой компании *Boston Consulting Group (BCG)*, в случае введения *СВАМ* российские экспортёры будут терять от 3 до 4,8 млрд долл. в год исходя из предположения, что облагаться сбором будет весь объём выбросов. Наибольшая часть бремени от нового углеродного сбора, вероятнее всего, ляжет на энергетический и металлургический секторы российской экономики. Потери российского нефтегазового сектора составят 1,4–2,5 млрд долл. в год, сектора черных металлов и угля – 0,6–0,8 млрд долл., цветных металлов – 0,3–0,4 млрд долл., прочих секторов экономики – 0,8–1,1 млрд долл.⁵

В результате, по мнению аналитиков, Россия станет одной из наиболее пострадавших от *СВАМ* стран, поскольку она находится на втором месте после Китая по объёму углеродоёмкого экспорта в Евросоюз⁶. Другие оценки дают ещё более безрадостную для нашей страны картину. Так, по информации фонда *Climate Works*, среди крупнейших стран – участниц мировой торговли товары из России имели самый высокий уровень углеродоёмкости [*Europe's Carbon Loophole*, 2017]. Причём, согласно данным ВШЭ, сложившаяся товарная структура внешней торговли уже априори делает Россию одним из крупнейших нетто-экспортёров выбросов в мире. Поэтому даже переход на современные технологии лишь частично поможет нашей стране уменьшить углеродный след в своём экспорте [Макаров, Соколова, 2014]. Однако даже это представляется затруднительным из-за проводимой против нашей страны санкционной политики, сократившей доступ к зарубежному финансированию, технологиям и оборудованию, в том числе в энергетике.

⁴ The Biden Plan For a Clean Energy Revolution and Environmental Justice // <https://joebiden.com/climate-plan/>, дата обращения 29.05.2021.

⁵ Углеродный вызов российским экспортёрам // <https://clck.ru/RjmJC>, дата обращения 03.04.2020.

⁶ В МЭР заявили, что введение углеродного налога должно соответствовать нормам ВТО // <https://tass.ru/ekonomika/9078227>, дата обращения 04.04.2020.

Заключение

Пандемия *COVID-19* вызвала разнонаправленные тенденции в мировом энергетическом комплексе. Она, с одной стороны, привела к обострению проблем в мировой экономике, вызвав кризис на глобальных энергетических рынках. С другой стороны, последующие антикризисные действия центробанков по вливанию ликвидности способствовали росту цен на сырьевые активы, в том числе на нефть. Однако наиболее существенным следствием пандемии стало то, что она дала дополнительный импульс к продвижению ценностей устойчивого развития и новой экономики. Особое место среди них занимает приоритетность вопросов климата и экологии. Энергетический переход на низкоуглеродный путь развития стал позиционироваться в качестве необходимого условия преодоления последствий пандемии.

В свою очередь, такие происходящие изменения формируют целый спектр потенциальных рисков и вызовов для России. В частности, данные процессы дискредитируют потребителей и производителей ископаемых энергоресурсов, подрывают позиции российского ТЭК на внешних рынках, способствуют созданию условий для недобросовестной конкуренции и т. д. Однако, к сожалению, у нашей страны пока не выработана адекватная политика противодействия подобного рода вызовам и рискам, которые предъявляет «новая нормальность» в энергетике. Между тем именно в сторону низкоуглеродной повестки и энергетической зелёной трансформации в значительной мере сместился фронт глобального конкурентного противостояния в современном мире. По большому счёту, именно от того, насколько эффективно наша страна сумеет приспособиться к этой «новой нормальности», и будет зависеть будущее российской энергетической отрасли и, соответственно, всей отечественной экономики в целом.

Список литературы

Наше общее будущее: Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития, 1987. ООН // <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>, дата обращения 17.04.2021.

Новая нормальность. Как Европа отказывается от гражданских прав и политической традиции, 2021 / Экспертный институт социальных исследований // <https://clck.ru/UvcvY>, дата обращения 05.04.2021.

Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии, 2020 / Т. А. Аймалетдинов, И. А. Гильдебрандт, Е. Н. Никишова, Д. С. Рассадина; Аналитический центр НАФИ. М.: Изд-во НАФИ. 73 с.

О состоянии внешней торговли в 2019 г. Федеральная служба государственной статистики // https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/35.htm, дата обращения 07.04.2021.

Цели в области устойчивого развития. ООН // <https://clck.ru/EKApA>, дата обращения 20.04.2021.

Экспертные мнения членов глобального сообщества Мирового энергетического совета о «новой нормальности», 2020 // <https://clck.ru/UwbNk>, дата обращения 30.04.2021.

A European Green Deal. European Commission // <https://clck.ru/UgyTE>, дата обращения 27.05.2021.

The European Green Deal, 2019 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52019DC0640>, дата обращения 18.05.2021.

Бобылев С. Н., Соловьёва С. В., 2016. Новые цели для новой экономики // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 6–14.

Бочкарев Д., 2020. «Зелёный» шум: почему декарбонизация энергетики в ЕС будет непростой // <https://clck.ru/V3YrU>, дата обращения 24.05.2021.

Громов А. И., 2020. Возможна ли «голубая» трансформация энергоперехода в «постковидном» будущем европейской энергетики? // Энергетическая политика. 2020. № 7 (149). С. 58–69.

Деденкулов А. В., 2015. Евросоюз: эволюция приоритетов энергетической политики // Современная Европа. 2015. № 1 (61). С. 116–125.

Дубровин Д., 2020. План спасения евроэкономики // <https://tass.ru/ekonomika/9016461>, дата обращения 01.05.2021.

Кудрявцева С. С., 2004. Новая экономика: глобальные тенденции и перспективы России // Конкурентоспособность и модернизация экономики: Материалы 5-й Междунар. науч. конф. (6–8 апреля 2004 г.): в 2 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ. Кн. 2. С. 370–379.

Локтионова М., 2020. «Новая нормальность»: как изменится Россия после пандемии // <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml>, дата обращения 02.04.2021.

Макаров И. А., Соколова А. К., 2014. Оценка углеродоёмкости внешней торговли России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3 (18). С. 477–507.

Оверченко М., 2020. Европейские нефтяники ставят на чистую энергию // <https://clck.ru/VGHvg>, дата обращения 17.04.2021.

Полюбина И. Б., 2009. Новая экономика: теория, западные реалии и Россия // Мир новой экономики. 2009. № 2. С. 15–20.

Тетерятников К. С., 2017. Новая реальность/нормальность в экономике и финансах: мировой и российский опыт // Научные труды Вольного экономического общества России. № 1 (203). С. 268–285.

Asonye A., 2020. There's nothing new about the “new normal” // <https://clck.ru/UcyK9>, дата обращения 03.05.2021.

Becqu R. et al., 2017. Europe’s Carbon Loophole. ClimateWorks Foundation // <https://clck.ru/RihDN>, дата обращения 02.04.2020.

El-Erian M. A., 2010. Navigating the new normal in industrial countries // https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010#P118_15776, дата обращения 13.05.2021.

Elnaj S., 2021. The 'New Normal' And the Future of Technology After the Covid-19 Pandemic // <https://clck.ru/Ur2tS>, дата обращения 02.04.2021.

Hals T., Nasralla S., 2021. Analysis: Big oil may get more climate lawsuits after Shell ruling-lawyers, activists // <https://clck.ru/VALzs>, дата обращения 29.05.2021.

Krukowska E., Shankleman J., 2020. World’s Greenest Coronavirus Recovery Package Arriving in Europe // <https://clck.ru/Rg3Pp>, дата обращения 30.04.2021.

Recovery plan for Europe. European Commission // <https://clck.ru/RgArA>, дата обращения 30.10.2020.

Simon F., 2020. France calls for carbon price floor to counter oil crash // <https://clck.ru/RfHCN>, дата обращения 30.04.2021.

Tett G., 2020. US threatens retaliation against EU over carbon tax // <https://www.ft.com/content/f7ee830c-3ee6-11ea-a01a-bae547046735>, дата обращения 24.10.2020.

В МЭР заявили, что введение углеродного налога должно соответствовать нормам ВТО // <https://tass.ru/ekonomika/9078227>, дата обращения 04.04.2020.

Глава Минэнерго США усомнилась в экологичности российского газа // <https://clck.ru/V8Ld6>, дата обращения 28.05.2021.

Попова предупредила о «новой нормальности» после пандемии // <https://clck.ru/UpZoi>, дата обращения 02.04.2021.

Углеродный вызов российским экспортёрам // <https://clck.ru/RjmJC>, дата обращения 03.04.2020.

Экологи в ФРГ попросили отозвать разрешение по «Северному потоку – 2» // <https://clck.ru/VFGS2>, дата обращения 02.06.2021.

The Biden Plan for a Clean Energy Revolution and Environmental Justice // <https://joebiden.com/climate-plan/>, дата обращения 29.05.2021.

IGOR V. YUSHKOV,

Senior lecturer of Financial University under the Government of the Russian Federation.

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation

E-mail: ushkovigor@gmail.com

SPIN-code: 5693-0136

ALEKSANDER V. PEROV,

Candidate of Political Sciences, Head of the Project Research Department of the National Energy Security Fund.

Address: 8/1, Sadovaya-Chernogryazskaya, 107996, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ap.nikonor@gmail.com

“THE NEW NORMAL” IN THE GLOBAL ENERGY SECTOR: CHALLENGES FOR RUSSIA

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_31

Received: 25.03.2021.

For citation: *Yushkov I. V., Perov A. V., 2021. “The new normal” in the global energy sector: challenges for Russia. – Geoeconomics of Energetics. № 3 (15). P. 31–50.*

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_31

Keywords: new normal, new economy, energy transition, global energy sector, energy of Russia.

Abstract

The global energy sector has entered a state of “The New Normal”. This term is usually used to describe the current crisis situation in which society finds itself due to coronavirus. Now it has become widely used in Russia as well. Usually, this concept refers to changes that occur under the influence of a crisis in society and economy, denoting something that used to go beyond the norm, but has now become commonplace. However, the situation with the “The New Normal” is much more complicated. For Russia the most important characteristic of “the new normal” is that that the COVID-19 pandemic has served as the foundation for promoting the values of sustainable development, new economy and energy transition.

That trend is particularly evident in the European Union. The EU seeks to convert the large-scale task of overcoming the negative consequences of coronavirus into the driver of a radical green transformation of the European economy and energy. In particular, this is reflected in the plans of the EU leadership to introduce a mechanism for carbon adjustment of borders in the coming years.

In turn, the significant rise in the global role of the “low-carbon agenda” that is taking place in the context of the transition to “The New Normal” causes increasing pressure on consumers and producers of fossil energy resources. All this leads to the emergence of fundamentally new threats and challenges for Russia, especially con-

sidering the crucial role that energy plays for it. Russia is one of the world's largest consumers, producers and exporters of energy resources. In addition, Russian exports, due to their structure, are characterized by increased carbon intensity. Therefore, global trends in the production and consumption of energy resources are of particular importance for Russia. They have an impact not only on its socio-economic situation, but also on the foreign policy positions. How effectively Russia will be able to adapt to the conditions of "The New Normal" will depend on the future of its energy sector and, accordingly, the prospects for the development of Russia as a whole. In these conditions, the country is immediately required to develop a comprehensive and long-term energy policy that would minimize or even turn to its advantage the challenges that brings the new global energy reality.

References

Our common future: Report of the World Commission on Environment and Development, 1987. UN // <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>, accessed 17.04.2021. (In Russ.)

A new normality. How Europe renounces civil rights and political tradition, 2021 / EISI // <https://clck.ru/UvcvY>, accessed 05.04.2021. (In Russ.)

A new normality. Lifestyle, markets, infrastructure and communications after the pandemic, 2020 / T. A. Aimaletdinov, I. A. Hildebrandt, E. N. Nikishova, D. S. Rassadina; NAFI Analytical Center. M.: NAFI Publishing House. 73 p. (In Russ.)

On the state of foreign trade in 2019 Federal State Statistics Service // https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/35.htm, accessed 07.04.2021. (In Russ.)

The Sustainable Development Goals. UN // <https://clck.ru/EKApA>, accessed 20.04.2021. (In Russ.)

Expert opinions of members of the global community of the World Energy Council on the "new normality", 2020 // <https://clck.ru/UwbNk>, accessed 30.04.2021. (In Russ.)

A European Green Deal. European Commission // <https://clck.ru/UgyTE>, data accessed 27.05.2021. (In Eng.)

The European Green Deal, 2019 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52019DC0640>, accessed 18.05.2021. (In Eng.)

Bobylev S. N., Solovyova S. V., 2016. New goals for the new economy. The world of the new economy. 2016. № 1. Pp. 6–14. (In Russ.)

Bochkarev D., 2020. "Green" noise: why decarbonization of energy in the EU will not be easy // <https://clck.ru/V3YrU>, accessed 24.05.2021. (In Russ.)

Gromov A. I., 2020. Is a "blue" transformation of the energy transition possible in the "post-bubble" future of European energy? // Energy policy. 2020. № 7 (149). Pp. 58–69. (In Russ.)

Dedenkulov A. V., 2015. The European Union: the evolution of energy policy priorities // Modern Europe. 2015. № 1 (61). Pp. 116–125. (In Russ.)

Dubrovin D., 2020. The plan to save the Euroeconomy // <https://tass.ru/ekonomika/9016461>, accessed 01.05.2021. (In Russ.)

Kudryavtseva S. S., 2004. The new economy: global trends and prospects of Russia // Competitiveness and modernization of the economy: Materials of the 5th International Scientific Conference “Competitiveness and modernization of the economy”, April 6–8, 2004. Moscow. In 2 books / Ed. by E. G. Yasin. M.: Higher School of Economics Publishing House, 2004. Book 2. Pp. 370–379. (In Russ.)

Loktionova M., 2020. “The New Normal”: how Russia will change after the pandemic // <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml>, accessed 02.04.2021. (In Russ.)

Makarov I. A., Sokolova A. K., 2014. Assessment of the carbon intensity of Russia's foreign trade // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2014. № 3 (18). Pp. 477–507. (In Russ.)

Overchenko M., 2020. European oil companies are betting on clean energy // <https://clck.ru/VGHvg>, accessed 17.04.2021. (In Russ.)

Polyubina I. B., 2009. The New Economy: theory, Western Realities and Russia // The world of the new economy. 2009. № 2. Pp. 15–20. (In Russ.)

Teteryatnikov K. S., 2017. New reality/normality in economics and finance: world and Russian experience // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. № 1 (203). Pp. 268–285. (In Russ.)

Asonye A., 2020. There's nothing new about the “new normal” // <https://clck.ru/UqyK9>, accessed 03.05.2021. (In Eng.)

Becqu R. et al., 2017. Europe's Carbon Loophole. ClimateWorks Foundation // <https://clck.ru/RihDN>, accessed 02.04.2020. (In Eng.)

El-Erian M. A., 2010. Navigating the new normal in industrial countries // https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010#P118_15776, accessed 13.05.2021. (In Eng.)

Elnaj S., 2021. The 'New Normal' And the Future of Technology After the Covid-19 Pandemic // <https://clck.ru/Ur2tS>, accessed 02.04.2021. (In Eng.)

Hals T., Nasralla S., 2021. Analysis: Big oil may get more climate lawsuits after Shell ruling-lawyers, activists // <https://clck.ru/VALzs>, accessed 29.05.2021. (In Eng.)

Krukowska E., Shankleman J., 2020. World's Greenest Coronavirus Recovery Package Arriving in Europe // <https://clck.ru/Rg3Pp>, accessed 30.04.2021. (In Eng.)

Recovery plan for Europe. European Commission // <https://clck.ru/RgArA>, accessed 30.10.2020. (In Eng.)

Simon F., 2020. France calls for carbon price floor to counter oil crash // <https://clck.ru/RfHCN>, accessed 30.04.2021. (In Eng.)

Tett G., 2020. US threatens retaliation against EU over carbon tax // <https://www.ft.com/content/f7ee830c-3ee6-11ea-a01a-bae547046735>, accessed 24.10.2020. (In Eng.)

The Ministry of Economic Development said that the introduction of a carbon tax should comply with WTO standards // <https://tass.ru/ekonomika/9078227>, accessed 04.04.2020. (In Russ.)

The head of the US Department of Energy questioned the environmental friendliness of Russian gas // <https://clck.ru/V8Ld6>, accessed 28.05.2021. (In Eng.)

Popova warned of a “new normality” after the pandemic // <https://clck.ru/UpZoi>, accessed 02.04.2021. (In Russ.)

Carbon Challenge for Russian exporters // <https://clck.ru/RjmJC>, accessed 03.04.2020. (In Russ.)

Environmentalists in Germany asked to revoke the permit for the “Nord Stream – 2” // <https://clck.ru/VFGS2>, accessed 02.06.2021. (In Russ.)

The Biden Plan for a Clean Energy Revolution and Environmental Justice // <https://joebiden.com/climate-plan/>, accessed 29.05.2021. (In Eng.)